

УДК 811.111

Инна Леонидовна Ильичева*канд. филол. наук, доц., доц. каф. английской филологии**Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Inna Ilyichova***PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of English Philology at the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: englangп@brsu.brest.by***КОНЦЕПТ «ЗУБР» КАК ЧАСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ МАТРИЦЫ**

Рассматривается языковая репрезентация концепта «зубр» в региональной лингвокультуре на материале современных художественных и научных текстов. Благодаря ряду особенностей поэтического дискурса анализ контекстов региональных поэтических произведений позволяет выявить наиболее релевантные признаки исследуемого концепта. Методом сплошной выборки были получены контексты, содержащие не только имя концепта «зубр», но и их образные субституты. Проведен сопоставительный анализ выявленных признаков с использованием конкретных примеров их языковой репрезентации, обращено внимание на выражение образной и ценностной составляющих в структуре рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, лингвоконцептология, антропоцентризм, поэтический дискурс.

The Concept «Bison» as a Part of the Regional Linguo-Cultural Matrix

The article examines the linguistic representation of the concept «Bison» in regional linguo-culture on the basis of modern literary and scientific texts. Due to a number of features of poetic discourse, the analysis of the contexts of regional poetic works allows us to identify the most relevant features of the concept under study. By the method of continuous sampling, contexts were obtained containing not only the name of the concept «Bison», but also their figurative substitutes. The author conducts a comparative analysis of the revealed features, using specific examples of their linguistic representation and paying attention to the expression of the figurative and value components in the structure of the concept under consideration.

Key words: *linguocultural concept, linguoconceptology, anthropocentrism, poetic discourse.*

Введение

Важнейшей чертой современной лингвистики является антропоцентризм. В центре внимания лингвистических теорий оказываются не «имманентные», абстрагированные от многих факторов языковые феномены, а явления языка как человеческой деятельности. Язык уже не рассматривается «в самом себе» – он предстает, как справедливо указывает В. А. Маслова, с позиции его участия в познавательной деятельности человека [1, с. 4]. Язык служит ключом к системе человеческой мысли, природе человеческой психики и характеристике нации. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания.

Человек, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточня-

ется человеком непрерывно [1, с. 61]. Концепт является динамичным образованием. Оказываясь частью системы, концепты попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются [2].

Прежде чем перейти к описанию лингвокультурного концепта как сложного когнитивного лингвосоциального конструкта, вкратце остановимся на значимых трактовках термина «концепт» в современном языкознании.

Понятие «концепт» в научную дискуссию ввел русский философ С. А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г. В работе «Концепт и слово» он отводит концепту функцию заместительства. По мнению С. А. Аскольдова-Алексеева, концепт есть «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Высказывая какое-нибудь общее положение о растительном организме, мы в конечном счете

имеем в виду все неопределенное множество реальных или представляемых растений. Концепт заменяет предметы или конкретные представления» [3, с. 269].

Со второй половины XX в. понятие «концепт» входит в активный научный обиход и в последние годы становится неотъемлемой частью целого ряда новых направлений в науке. С точки зрения А. А. Залевской, концепт выполняет роль своеобразного сигнала, который при поверхностном наблюдении воспринимается как свидетельство «современности» того или иного научного исследования [4, с. 15].

В своих работах Н. Н. Болдырев описывает концепт как базовую когнитивную сущность, позволяющую связать мысль со словом. Языковая интерпретация мира и знаний о мире, по мнению автора, «основана на принципе единства многообразия и обусловлена концептуальной неоднородностью передаваемого опыта взаимодействия с миром и самих знаний о выделяемых объектах, событиях, их свойствах и характеристиках. Концепты выполняют функцию категоризации, конструируют наше знание о живых существах и объектах» [5, с. 12].

С. Г. Воркачев предлагает такое определение термина: концепт – это «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [6, с. 70].

Н. Ф. Алефиренко, анализируя сущность концептов, выделил следующие наиболее значимые моменты:

1) концепты – ментальные образования, составляющие категориальную сетку ценностно-смыслового пространства языка;

2) с помощью концептов моделируется картина мира;

3) концепты создают обобщенный образ слова;

4) все значения реальные и потенциальные, все ассоциации удерживаются, объединяются в слове благодаря концепту;

5) в спонтанной речи в качестве смысловых компонентов выступают свернутые первичные мыслительные представления, мыслительные сигналы – концепты [7, с. 217].

Обобщая различные подходы к определению термина «концепт», В. А. Маслова в работе «Введение в когнитивную лингви-

стику» определяет концепт как «образ, единицу ментального мира, вбирающую в себя какой-то социальный опыт человека и его эмоциональные ощущения». В. А. Маслова выделяет следующие инвариантные признаки концепта:

1) являясь минимальной единицей человеческого опыта, концепт вербализуется посредством слова и имеет полевую структуру;

2) концепт выступает в качестве основной единицы обработки, хранения и передачи знаний;

3) концепт имеет «подвижные границы и конкретные функции»;

4) концепт социален;

5) концепт выступает в качестве основной ячейки культуры [1, с. 68].

Итак, можно резюмировать:

1. Концепт – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике.

2. Любой концепт, будучи неотъемлемой частью культурной матрицы, прежде всего является «культурным концептом». Вслед за В. И. Карасиком, мы полагаем, что «культурный концепт» представляет собой «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [8, с. 91]. Предельная важность концепта в системе культуры обусловлена его «живой» и динамично-субъектной связанностью с непосредственным культурным генезисом.

3. Лингвокультурные концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание в итоге отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей.

Целью данного исследования является комплексное лингвокультурологическое изучение концепта «зубр».

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

1) систематизировать основные направления изучения концептов на современном этапе;

2) составить авторскую картотеку контекстов употребления ключевой лексики;

3) выявить языковые средства объективации компонентов концепта «зубр» в региональной концептосфере.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на основе следующего материала:

1) этимологические и толковые словари [9–13];

2) 15 прозаических художественных произведений (107 контекстов), 70 стихотворений (185 контекстов), две научные монографии (75 контекстов).

Авторская картотека примеров употребления лексики *зубр* составляет 367 контекстов.

Методы исследования: когнитивно-дискурсивное моделирование смыслов концепта в различных контекстах; описательный метод, основанный на непосредственном наблюдении над языковым материалом; метод лингвокультурологического комментирования.

Результаты исследования

Концепты как первичные культурные образования, которые существуют в культурно-историческом пространстве народа, определяют его менталитет и транслируются в разные сферы бытия человека как коллективные ментальные образования, фиксирующие своеобразие культуры (ментальная проекция элементов культуры) [8, с. 38].

Каждый отдельный концепт демонстрирует существование в конкретной этнической культуре определенной ценности [14; 15]. Концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры, объединяются в системы или в лингвокультурные доминанты. Культурный концепт в отличие от индивидуальных концептов тесным образом связан не с мыслительными и речевыми структурами индивида, а с культурой.

В нашем сознании концепт предстает в своих содержательных формах: в образе, понятии, символе. Символ зубра по праву считается одним из самых древних, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. В пещерной (наскаль-

ной) живописи эпохи палеолита он занимает особенно важное место, являясь одним из самых почитаемых животных. Полихромные потолки испанской пещеры Альтамиры и главный зал французской пещеры Ласко – «Ротонда быков» – исследователи часто называют «Сикстинской капеллой» первобытной живописи. Кальцитные стены, плохо подходящие для гравировки, украшены живописными изображениями зубров внушительных размеров: некоторые из них достигают 5 м в длину.

Впервые вербальную дескрипцию зубра в IV в. до н. э. представил Аристотель в своем знаменитом труде «История животных», а в I в. н. э. Плиний Старший в «Естественной истории» уже охарактеризовал два вида диких быков, называя их «бизон» и «тур» (или «ур»). В различных странах, где жил зубр, его по-разному номинировали: например, в Англии – *сурокс*, в Германии – *ур* или *тур* (позже *визент*), в Польше – *жубр*, в Литве – *стумбаре*. В 1758 г. в фундаментальном труде «Система природы» Карл Линей дал зубру современное название *Bison bonasus*, которое представляет собой сочетание имен, заимствованных у Плиния и Аристотеля.

Большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, через слово, поэтому человек живет больше в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей. Язык помогает познать современную ментальность любой нации и понять воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Но, как в свое время писал А. А. Потебня, язык национально специфичен, и «никто не имеет права вкладывать в язык народа то, чего сам народ в своем языке не находит» [16, с. 133].

Каждый отдельный концепт выражает присутствие в конкретной этнической культуре определенной ценности [17]. Культурные концепты проявляют специфику языковой картины мира, раскрывают ценностные приоритеты культуры, объединяются в системы или в лингвокультурные доминанты. Основываясь на данном положении, считаем целесообразным рассмотреть лингвокультурный концепт «зубр» в коммуникативном пространстве Брестчины.

Для изучения концепта «зубр» мы прежде всего обратились к понятийной составляющей, зафиксированной лексикографическими источниками. В этимологическом словаре М. Фасмера [9] дано следующее определение: зубр. общеслав. суф. производное (суф. *-p-*) от *зуба* < **zorbъ* в значении «рог, клык». *Зубр* буквально – «рогатый» (зверь).

В толковом словаре С. А. Кузнецова [11] читаем: ЗУБР *-а, м.* 1. Дикий горбатый лесной бык сем. полорогих. *Беловежские зубры*. 2. *Разг.* Об опытном, ценном специалисте. *Издательские зубры. Партийный зубр*. 3. *Устар.* О косном, консервативно настроенном человеке. *Разгромить zde шних зубров. Закоренелые зубры реакции*.

В толковом словаре Д. Н. Ушакова [10] зубр описывается так: 1. Дикий бык, похожий на бизона. 2. перен. Консервативный до дикости, упорный в своей закоснелости человек (публиц. ритор.).

Этимологический словарь русского языка под редакцией Г. А. Крылова [13] указывает, что зубр – общеславянское слово, образованное добавлением суффикса *рь* к существительному *зубъ* в значении «рог» (изначально *зуб* – «любое тело, имеющее форму зуба»). *Зубр* буквально значит «рогатый».

В малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой [12] представлено следующее описание: зубр *-а, м.* Дикий лесной бык. *В Беловежской пуце сохранились зубры – дикие быки прежних лесов Европы. Это большие, красивые, сильные животные. 2. перен.; чего или какой.* Закоснелый в своих отсталых взглядах человек; крайний реакционер. – *Большое, даже решающее значение будут иметь наши доклады. Они должны произвести впечатление, разгромить здешних зубров!* Скиталец. *К этому времени самые закоренелые зубры реакции бежали за границу. 3. разг. шутол.* О крупном, ценном специалисте.

Обращение к толковым и этимологическим словарям как к первичным лексикографическим источникам данного исследования, а также проведенный анализ предлагаемых ими дефиниций, позволили установить, что в содержании концепта «зубр» лексикографы выделяют общий смысл «дикий лесной бык».

Ядро лингвокультурного концепта «зубр» составляет словарное значение лек-

семы *зубр*, специфику его выражения отражают толковые словари. Поскольку словарные толкования составляют лишь самое общее представление о значении слова, считаем целесообразным привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, прозаические и научные.

Проведенный анализ показывает, что в научных и прозаических текстах, в отличие от поэтических, в большей степени представлены элементы понятийной составляющей концепта. Доказательством тому служит творчество известного художника и литератора Георгия Карцова, который в работе «Беловежская пуца» обобщил известные и ставшие доступными лишь ему сведения о Беловежской пуце начиная с древних времен и до начала XX в. Таким образом, была создана уникальная летопись, рассказывающая об истории, фауне и флоре, климатических условиях этого древнейшего леса. Сам Г. Карцов считается лучшим летописцем Беловежской пуцы. Книгу проиллюстрировали талантливые русские художники Н. С. Самокиш, В. П. Навозов, К. Я. Крыжицкий, Р. Ф. Френц, А. С. Хренов.

Главное внимание в книге уделено описанию зубра – крупнейшего представителя беловежской фауны. У Г. Карцова читаем: *«Зубр никогда не имеет трусливого вида; даже на бегу от опасности он все-таки скорее страшен. Спокойно пасущийся в одиночку, он кажется меланхоличным, тупым, упрямым и даже глуповатым».*

В разделе «Фауна Пуцы» дается не только самая обширная на то время информация о зубре, но и подробные описания других представителей фауны – лося, оленя, кабана, дикой козы, лани.

В монографии «Зубр в Беларуси» исследователи П. Г. Козло и А. Н. Буневич представляют морфофизиологические параметры и пространственно-социальную структуру популяции зубра и описывают белорусскую модель сохранения животного, указывая, что в Беларуси разработана и реализуется на практике оригинальная модель долговременного сохранения зубра, мегапопуляционная стратегия и бинарный статус.

В значительной части региональных прозаических материалов зубр рассматривается как редкое животное. А. Курсков в книге «Белавежскі зубр» пишет: *«Пасля вайны ў дзяржаўны запаведнік Белавеж-*

ская пушча з Польшчы зноў завезлі пяць зуброў. У другі раз пачалося ўзнаўленне гэтага рэдкага звера ў пушчанскіх лясах. Зубр – буйная жывёліна. Самцы важаць больш за тону, самкі – крыху меней. Ва ўсім свеце больш за тры тысячы зуброў, а ў Беларусі іх каля трохсот. Зубр занесены ў Чырвоную кнігу».

В. Козлович в своей зарисовке «Бело-вежская пушча» представляет величие животных: *«Гордость пушчи – зубры. В пушчанских лесах проживает более двух сотен животных. В минувшем месяце мы имели возможность пообщаться с ними на воле... Зубриное стадо очень похоже на коровье. Но впечатление о миролюбии зубров, по словам егеря, обманчиво, и пушанцы могут рассказать немало грустных историй о встрече животных с человеком».*

Поэтический дискурс является специфической речевой деятельностью, представляющей собой не только линейное соположение слов и выражений. К такого рода речевой деятельности непременно подключаются смысловые ассоциации, образы и другие смыслопорождающие категории. Концепты, представленные в дискурсивном пространстве поэтического текста, обладают особой зыбкой структурой. В конкретном поэтическом тексте происходит столкновение значения слова с личным и народным опытом человека, актуализируются особые признаки и слои концепта, что и создает индивидуальную неповторимость поэтического произведения.

Одной из самых больших и ярких на сегодняшний день поэтических зарисовок является поэма Н. Гусовского «Песнь о зубре» (1523), в которой в поэтической форме автор представляет свое видение многогранной картины природы края – Великого княжества Литовского. Н. Гусовский вербально «рисует» красоту первозданных трав и деревьев, демонстрируя свои ассоциации, связанные с природой родного края. В пейзажных зарисовках Гусовского природа предстает равной человеку, она одушевлена и обладает разумом.

Говоря о зубре, автор превозносит его красоту, мощь, величие над всеми остальными лесными обитателями:

Лютасцю больш небяспечны, чым люты драпежнік, / Зубр для людзей не страшны, не чапай – не зачэпіць, / будзе стаяць як

укопаны – пастыр на варце, / Не страпянецца, а позіркам пасціць няспынна... / Смелы, і ў гэтым няма яму роўнага зверу / У свеце жывёльным пушчанскага краю...

Вось ён – бізон ваш, што ў нас называецца зубрам! / Масці паджарай, як мешанка, бурай і чорнай, / Быццам з вякоў у вякі пераходзіў праз горны / І гартаваўся, сабраўшы адценні стагоддзяў...

Антропоморфное видение природы особенно четко демонстрируется им при описании поведения зубра. У Гусовского зубр, с одной стороны, по своей натуре *«вырастает магутны, прысадзісты волат», «вельмі прыкметны сваёй велізарнаю грывай»*, а с другой стороны, *«ходзіць спакойна і раптам у бегу імклывым / ён, як рысак, пралятае праз гала лясное», «лютасцю больш небяспечны, чым люты драпежнік».*

Пушчанские леса, описанные Н. Гусовским в поэме «Песнь о зубре», наполнены музыкальными звуками: *«Кожную восень, і недзе мо з тыдзень ці болей / Цягнецца свята Венеры, і шалы юнацтва / З бою бяруцца. У гэту пару насалоды / Толькі і чуеш: усюды прывабна і млява / Мыкае пушча, і ў дрыжыках зябкіх дубровы / З шастаннем сцелюць лістоту на шлюбнае ложка. / Хто гэта слухаў і бачыў, той скажа, напэўна: / Музыка нашых лясоў мілагучнасцю строгай / Вуху і сэрцу мілей за літаўры і ліру. / Шум у вяршынях, і шолах, і шоргат, і гэты ўладарны / Голас крыві неўтаймонай – сімфонія пушчы».* Из цитируемых строк видно, что для усиления «яркости» картин природы Н. Гусовский часто прибегает к использованию такого приема, как художественное сравнение. У него «музыка наших лесов» сравнивается со звуками, производимыми музыкальным инструментом – лирой.

С концептом «зубр» в стихотворениях многих региональных авторов связаны особые пространственные и временные ощущения, метафоричность образов и даже цветовая гамма стихотворений. Поэты «рисуют» зубра как «венценосную особу», «короля леса», «властелина лесного пространства» на фоне красочного реликтового леса.

Анализ образов, актуализирующих концепт «зубр» в лирике, научных текстах и прозе белорусских авторов, позволяет выделить пять доминантных образов: *редкое животное, властелин лесного простран-*

ства, король леса, живая легенда, символ первобытной мощи.

Так, для многих авторов зубр – **живая легенда**, свидетель событий, происходящих на протяжении веков: *Пушчанскае мора калышацца тысячагоддзі. / Зубры паміж хваляў жывымі легендамі ходзяць* (М. Рудковский); *Зубры ідуць, а побач – зубраня... Стары важак на паплавы зубрых / Падгоніць рыкам, доўгім і хрыпатым, / І кожны рух яго паўтарыць статак, / Як продка паўтарае зубр стары* (В. Городей).

Для лирики П. Бровки, Я. Пуци общим образом, вербализирующим исследуемый лингвокультурный концепт, является образ **властелина лесного пространства**: *Зубр ну волат, не іначай, / Між пушчанскіх жыхароў!.. Зубр, зубр! / Мужны, лоўкі / Я пра моц тваю пню* (П. Броўка); *Вось ён, волат пушчы, буры і пануры, / Узваліў на карак груз стагоддзяў хмурых* (Я. Пуца).

Созвучное описание зубра находим и стихах В. Милоша: *Між дрэў неходжаная сцежка, / Зялёны гай над ей шуміць. / Спяваюць птушкі, а над імі / Ён – Пушчы гаспадар стаіць. / Ён – гэта зубр. Моцны-моцны! / Ці есць дужэйшы тут хоць хто? / Такая веліч! Добры гонар у дзіўнай постаці яго* (В. Милош).

При характеристике концепта «зубр» нельзя оставить без внимания описание Беловежской пуши – среды обитания зубров. В общую образную и семантико-грамматическую концепцию ряда стихотворений органично включены описания реликтового леса сквозь призму человеческого восприятия. Деревья наделяются постоянными эпитетами, которые перерастают в символы: *молчаливые летописцы, Божья зелень, глухая древность и дыхание молодости, чудесное сокровище*:

Дзень добры, пушча! Любы воку / Твой белавежскі каларыт, / Адкуль бяруць свае вытокі, / Ласіны бег, зубрыны рык / І дуба волатава сіла, / І тайна чорнага бусла... (А. Шушко).

Глыбокі лістапад у Белавежы. / Шуміць лістота пушчы векавой (А. Кулешов).

Белавежскі / Родны мой прастор: / Луг духмяны / І шумлівы бор (В. Ефимович).

О край Белавежскі – жамчужына наша. / Цябе палюбіў я з маленства душой. / Ты кожнага ў свет непаўторны свой вабіш, / І дзелішся шчодра сваёю красой... / Тут лес

вам раскажа казкі, легенды / Пра ўлюблёных у пушчу людзей (Л. Пранько).

У Белавежы-пушчы са шляху не збіца: / Тут сосны-мачты, дубы-тубыльцы / І асілкі-грабы ў роздуме глыбокім. / Плывуць над імі лёгкія аблогі (Я. Пуца).

Тут стаіць ў адзіноце / Стары дуб-патрыярх, / Нібы хоча сказаць нам / Аб мінулых гадах. (Г. Драка).

Пушча – смарагд у зялёным вянку / Нашага роднага мірнага краю (В. Малинич).

Сосны у В. Жуковича ассоциируются со струнами музыкального инструмента:

У пушчанскай старонцы маёй / Сосны – быццам бы струны / Магутныя, / Што злучылі нябёсы з зямлёй / І жывуць іх адвечнымі гукамі. / У пушчанскай маёй старане / Лад бяроз – бы магутныя / Клавішы, / Толькі вецер іх вольны кране – / Льецца музыка, свет белы / славячы.

Анализ свидетельствует о том, что основным способом объективации концепта выступает его вербализация. Однако лингвокультурный концепт может быть достаточно легко переведен из ментальной сущности в форму, воспринимаемую органами чувств человека. Учитывая, что наше мышление невербально по своей природе, можно предположить, что содержание, стоящее за вербальной единицей – именем концепта, может быть актуализировано также с помощью невербальных средств. Привлечение не только вербальных, но и визуальных данных к изучению лингвокогнитивного феномена способствует повышению объективности исследования и позволяет выявить более емкое и полное содержание концепта.

Для жителей региона зубр – важный спутник человека. Это прекрасно иллюстрируют коды разных семиотических систем (живопись, скульптура и геральдика). В Беларуси изображения зубра присутствуют на денежных купюрах, памятных монетах. Визуализация, по справедливому замечанию А. Н. Приходько, – это не новое имя концепта и не новый концепт, а его «дублирование иконическим знаком, в результате которого происходит как бы двойная семиотическая объективация – вербальная (оперирует вербальными знаками) и невербальная (оперирует иконическими знаками) [18, с. 95]. Мы полагаем, что невербальное воплощение концепта «зубр» базируется на двух возможностях – автономной и комитатив-

ной. В случае автономной версии речь идет о собственно невербальном воплощении концептов (живопись, скульптура, геральдика). В случае комитативной версии речь идет о невербальном сопровождении оязыковленного концепта. В данном случае симбиоз вербальной и невербальной форм манифестации концепта является креолизованным текстом – лингвовизуальным явлением, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют определенное целое. Иллюстративным подтверждением сказанному могут служить логотипы региональных предприятий.

Заклучение

На основе проведенного анализа можно сделать ряд общих выводов:

1. Концепт «зубр» является одним из центральных лингвокультурологических концептов региональной концептосферы, объективируемым в родном языке обширным хорошо структурированным лексико-фразеологическим полем, а также много-

численными перцептивными лексическими единицами.

2. Концепт «зубр» имеет полевою структуру. Являясь прецедентным культурно-определенным и национально обусловленным концептом, он находит широкое отражение в художественных (прозаических и поэтических) и научных текстах региона. Понятийная составляющая концепта представлена базовыми признаками, вычленимыми на основе данных лексикографических источников, а также периферийными признаками, выделяемыми в художественных и научных текстах.

3. Языковое выражение лингвокультурного концепта «зубр» самым тесным образом связано с мироощущением, мировосприятием, эмоциональной стороной творчества разных скульпторов и художников, изображавших это величественное животное. Язык подтверждает то, что есть в сознании и может быть реализовано знаками разных семиотических систем (звуками, красками).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
2. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
3. Аскольдов, А. С. Концепт и слово / А. С. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1994. – С. 267–280.
4. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования : сб. науч. тр. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 5–18.
5. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
6. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 6-е изд. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 288 с.
8. Иная ментальность / В. И. Карасик [и др.]. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер. с нем. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 4 т.
10. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2000. – 4 т.
11. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1535 с.
12. Малый академический словарь : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1957–1960. – 4 т.
13. Этимологический словарь русского языка / под ред. Г. А. Крылова. – СПб. : Виктория плюс, 2004. – 432 с.

14. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 20 с.
15. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира. Русско-английские соответствия : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / М. В. Пименова. – СПб., 2001. – 497 л.
16. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
17. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
18. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. – 307 с.

REFERENCES

1. Maslova, V. A. Kognitivnaja lingvistika : uchieb. posobie / V. A. Maslova. – 3-je izd., pierierab. i dop. – Minsk : TetraSistems, 2008. – 272 s.
2. Pavilionis, R. I. Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskij analiz jazyka / R. I. Pavilionis. – M. : Mysl', 1983. – 286 s.
3. Askol'dov, A. S. Koncept i slovo / A. S. Askol'dov // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture tieksta : antologija / pod ried. V. P. Nieroznaka. – M. : Acadiemia, 1994. – S. 267–280.
4. Zalievskaia, A. A. Koncept kak dostojanie individa / A. A. Zalievskaia // Psikholingvisticheskie issledovanija : sb. nauch. tr. – Tvier' : Tvier. gos. un-t, 2002. – S. 5–18.
5. Boldyriev, N. N. Kognitivnaja siemantika. Vviedeniye v kognitivnuju lingvistiku : kurs liekcij / N. N. Boldyriev. – Izd. 4-je, pierierab. i dop. – Tambov : Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2014. – 236 s.
6. Vorkachiov, S. G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept. Stanovlieniye antropocentrichieskoj paradigmy v jazykoznanii / S. G. Vorkachiov // Filol. nauki. – 2001. – № 1. – S. 64–72.
7. Aliefirienko, N. F. Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoje prostranstvo jazyka : uchieb. posobije / N. F. Aliefirienko. – 6-je izd. – M. : FLINTA, 2020. – 288 s.
8. Inaja miental'nost' / V. I. Karasik [i dr.]. – M. : Gnozis, 2005. – 352 s.
9. Fasmer, M. Etimologichieskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. : pier. s niem. / M. Fasmer. – 2-je izd., stier. – M. : Progress, 1986–1987. – 4 t.
10. Tolkovij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod ried. D. N. Ushakova. – M. : Astrel' : AST, 2000. – 4 t.
11. Bol'shoj tolkovij slovar' russkogo jazyka / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. isslied. ; sost., gl. ried. S. A. Kuzniecov. – SPb. : Norint, 2000. – 1535 s.
12. Malij akademiichieskij slovar' : v 4 t. / pod ried. A. P. Yevgien'jevoj. – M., 1957–1960. – 4 t.
13. Etimologichieskij slovar' russkogo jazyka / pod ried. G. A. Krylova. – SPb. : Viktorija plus, 2004. – 432 s.
14. Babushkin, A. P. Tipy konceptov v lieksiko-frazieologichieskoj siemantike jazyka / A. P. Babushkin. – Voroniez' : Izd-vo Voroniez'z. gos. un-ta, 1996. – 20 s.
15. Pimienova, M. V. Koncepty vnutrienniego mira. Russko-anglijskije sootvietstvija : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.04 / M. V. Pimienova. – SPb., 2001. – 497 l.
16. Potebnia, A. A. Slovo i mif / A. A. Potebnia. – M. : Pravda, 1989. – 624 s.
17. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija : uchieb. posobije dlia studentov vyssh. uchieb. zaviedienij. – M. : Akadiemija, 2001. – 208 s.
18. Prihod'ko, A. N. Koncepty i konceptosistemy / A. N. Prihod'ko. – Dniepropietrovsk : Bielaja Ye. A., 2013. – 307 s.